

УДК 930.85

DOI: 10.17223/22220836/25/4

М.В. Салимгареев

ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается идея человеческой солидарности как одна из ключевых тем творческого наследия Ф.М. Достоевского. Анализируются ключевые проблемы авторского понимания социальной сущности человека в контексте современных писателю идей нигилизма, социализма, христианства. Выясняется убежденность писателя в том, что, соединяясь в едином в человеческом организме, каждый человек, каждая общность проявляет себя во всем многообразии своей индивидуальной природы и в этом человечество сможет обрести смысл своего существования.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, нигилизм, социализм, христианство, солидарность, общечеловеческое, национализм.

Идея человеческой солидарности – одна из ключевых в художественном и публицистическом творчестве Ф.М. Достоевского. Увлеченный в юности идеями социалистического утопизма по переустройству мира, Достоевский попал в духовный поток страстного стремления своего поколения, мечтающего о социальном изобилии, братстве народов и вечном благоденствии. Важной вехой в этом движении стало воздействие европейских утопистов, таких как Сен-Симон, Фурье, Оуэн. Их идеи мгновенно захлестнули молодые русские умы того времени, став источником вдохновения и надежд. «Оттуда, – писал М.Е. Салтыков-Щедрин, – лилась на нас вера в человечество, отсюда воссияла нам уверенность, что золотой век находится не позади, а впереди нас» [1. С. 45].

Находясь под воздействием Консидерана, Кабе и Фурье, Достоевский полагал, что дух человеческой вражды возможно минимизировать за счет пропаганды и распространения в обществе новых, свежих идей, синтезированных на основе социализма и христианства [2. С. 57]. Писателя привлекали идеи декабристов, русских и западноевропейских идеалистов 40-х гг., он пристально изучал их теоретические труды, что нашло отражение в «Дневнике писателя». После пережитого внутреннего нравственного надлома, вызванного известными последствиями участия Достоевского в кружке Петрашевского, его понимание главных интегральных принципов социальной солидарности все более приближалось к христианству.

Стремясь постичь социальную сущность человека и основ общечеловеческого, писатель не мог не столкнуться с известными биологизаторскими концепциями, сводящими базовые мотивы человеческой деятельности к животным инстинктам. Такие ученые как Макиавелли, Гоббс, Мальтус и Гексли, полагали, что природа человека преимущественно индивидуалистична, и поэтому никакое сущностное братство людей не возможно [3. С. 14–15]. Современные Достоевскому модные среди революционно настроенной молодежи идеи справедливой социальной организации отрицали наиболее существен-

ную, на его взгляд, предпосылку всеобщего единения, а именно изменение внутренней сущности человека в направлении единого для всех нравственного закона, в основе которого лежит свобода воли. Последняя, в соответствии с этикой исторического материализма и утилитаризма, если не устранялась вовсе, то сильно обуславливалась внешними условиями. В учениях Спенсера, Бентама и Маркса, известных Достоевскому, излагалась одна общая мысль, что человеческая воля вторична по отношению к материи, она неизбежно детерминирована внешними, социально-экономическими факторами бытия.

Такие «культовые» фигуры середины XIX в., как А. Герцен, Пестель, В. Белинский, были нигилистически настроены к идеалистической традиции и считали, что социальная среда первична по отношению к человеческой воле, и потому шли к счастью человечества путем фактического отрицания свободы выбора и нравственной ответственности личности. Белинский как яркий представитель нигилизма, чтение письма которого к Гоголю стало роковым в судьбе Достоевского, в конце 40-х гг. писал П. Боткину о необходимости «развивать идею отрицания, без которой человечество превратилось бы в «стоячее», «вонючее» болото» [4. С. 576]. Он считал нигилизм важной и неотъемлемой составляющей исторического прогресса. «Отрицание – мой Бог. В истории моей герои разрушители старого – Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон» [Там же. С. 70]. Большинство идей Белинского было пронизано духом отрицания свободы человеческой воли, отказаться от которой Достоевский не мог даже находясь под очарованием социализма. «Я начинаю любить человечество маратовски, – пишет Белинский, – чтобы сделать счастливую малейшую часть, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» [Там же. С. 52]. Делая такой нравственный вывод на основе естественнонаучных и социальных теорий середины XIX в., Белинский, как отмечает Достоевский, «понимал, что отрицая нравственную ответственность личности, он тем самым отрицает и свободу ее; но он верил всем существом своим (гораздо слепее Герцена, который, кажется, под конец усомнился), что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстанавливает ее в неслыханном величии, но на новых и уже алмаантовых основаниях» [5. С. 10].

Такая точка зрения действительно не знает ни преступлений, ни грехов, никаких великих нравственных деяний, ведь она обнаруживает в человеческой морали только некий приспособительный рефлекс, относительность которого вытекает из природной реакции на среду, от изменения которой меняется характер поведения. Совесть – это результат эволюционного движения обезьяны к человеку современного типа, это продукт наследственности. Будучи хорошо знакомым с такими идеями, он точно обозначил этическую ловушку, в которую попали многие его современники: «Совесть! Что совесть? Я сам ее делаю! Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и станем боги» [6. С. 87]. Общечеловеческое в таком контексте мыслится в плоскости некоего повторения придуманных и отживших социальных ограничений. В этой логике «тирания» религиозно оправданной совестливости должна быть однажды низвергнута всеобщим человеческим прорывом к разуму и науке как к подлинным мерилам должного и естественного. Разум и его научный способ по-

знания мира доказывают, что человек по своей природе – себялюбец, а весь его альтруизм – ни что иное, как следствие биологически оправданного социального эгоизма. Между тем писатель был убежден, что любая внешне выраженная, научно обоснованная и социологически сконструированная согласованность, всеобщая договоренность эгоистических индивидов сводится в обществе к обману.

В своих размышлениях о всечеловеческом Достоевский замечает, что в интеллектуальном пространстве европейской мысли эта идея довольно громогласно прозвучала в лозунгах Французской революции, провозгласившей «свободу, равенство и братство» [7. С. 46–98]. Однако сам писатель замечает источник братства и гуманности в первородном грехе, в грехопадении, как общем для всех людей начале, не позволяющем людям обрести гармонию.

Современная актуальность идей братства обнаруживается им в условиях участвовавших противоречий и раздоров между людьми и народами, которые он наблюдал в действительности [8. С. 118]. Обоснованно полагая, что с эпохи Возрождения европейская традиция развивалась под знаком индивидуализма, он пишет, что в идеях той эпохи концепция общности постепенно заменила концепцию общества, что в общественной практике привело к ослаблению природной склонности людей к эмпатии. Писатель убежден, что европейская идея секулярного единства безжизненна. Индустриальная цивилизация с ее миром машин и капитала заглушает глубинное стремление человека к братству, оно рождается и развивается лишь в недрах вековых традиций [7. С. 80]. Внутреннее, неосознанное стремление европейских народов к подлинному братству почти утрачено. Хотя тот же Руссо пытался будить людей к своей подлинной природной сущности, что проявилась у французов в революционном порыве к свободе, равенству и всеобщему единению [9. С. 382].

Однако писатель не мог не заметить одну существенную проблему в реализации этой программы. Она заключена в рационализме, утилитаризме и индивидуализации общежитийных принципов, заложенных в самом цивилизационном фундаменте Европы и всего западного мира. На этих основаниях братство никак не построить, ведь оно может возникнуть лишь в условиях проявления спонтанной, естественной эмпатической реакции людей друг на друга [Там же]. По убеждению Достоевского, для осуществления полноценного единства необходимо прежде всего изменить самого человека, а не условия его существования. Для этого должен возникнуть хотя бы единственный пример для подражания [10. С. 276]. Проявляя свой идеалистический настрой, он был уверен, что этого будет достаточно, ведь в таком случае возникнет необходимая цепная реакция и вслед за одним подтянутся остальные.

Что же делают европейцы? Они пытаются объединить эгоистических индивидов за счет проведения только внешних реформ общественной жизни, преимущественно за счет трансформации политических и социальных отношений полагая обустроить братство лишь путем водворения законности и правового порядка. Однако писатель убежден, что всегда найдутся такие, кто будет считать себя обделенным, кто будет воспринимать свою долю

меньшей, чем у другого. Основания завидовать, роптать, а следовательно, искать справедливости и в ее поиске истреблять друг друга, всегда найдутся в избытке. Другие воспримут своей личной выгодой нарушение общественного порядка, ведь для них очевидностью будет то, что в мире, полном несправедливости, только силой можно добиться того, что нужно, а для избежания наказания они будут пытаться прибегнуть или к обману, или к неприкрытому насилию, во всех случаях идея братства исчезает как призрак [Там же].

Возникновение и проявление братской общности возможно только в условиях естественной моральной свободы и безусловного, добровольного принятия других, в условиях осознания и принятия единого для всех нравственного закона. «Если задача строительства новой жизни людям навязана, если она для них есть нечто роковое и неотступное, если они соединены слепым инстинктом или внешним принуждением, то, хотя бы такое единство распространялось на все человечество, это не будет истинным человечеством, а только огромным „муравейником“» [11. С. 44]. Размышляя над единой для всех людей человеческой природой и ее возможностях, Достоевский обнаруживает в ней несамодостаточность, которая преодолевается только в глубоком поиске нравственных основ жизни. «Человечество в его целом есть только организм. Этот организм, бесспорно, имеет свои законы бытия. Разум же человеческий их отыскивает... Вы с вашим я не можете справиться: в земной порядок оно не укладывается, а ищет еще чего-то другого, кроме земли, чему тоже принадлежит оно... Это я не только не подчиняется земной аксиоме, земному закону, но и выходит за них, выше их имеет закон» [12. С. 10–11].

Если концентрация сознания людей благодаря материалистическим, социально-экономическим теориям будет сосредоточена на сугубо материальных потребностях, то это неминуемо приведет к затуханию естественных, братских порывов и ввергнет человечество в еще большее одиночество и разобщенность даже в условиях внешнего экономического и политического союза. Идея обновленного католического христианства должна, по мысли писателя, подвинуть человечество к братству через возрастание личной любви к ближнему, любви к единичным, конкретным людям, которые объединены внутренней сопричастностью с единым началом. У Достоевского возникает идеал служения каждого всем и всех каждому: истинное христианство «не может быть только домашним, как и только храмовым, – оно должно быть вселенским, должно распространяться на все человечество и на все дела человеческие» [11. С. 42]. Это есть соборность. Она не исключает из братства ни одного человека, даже преступника, ведь «каждый человек обладает этими святыми воротами и носит в себе освященный остов метафизического добра» [13. С. 388]. Несогласие с этим подходом возникает по причине утраты христианского духа, поскольку Христос сам распространял идею братства, которую при его жизни считали утопией.

Достоевский отклоняется от субъективного идеализма, он убежден, что Истина не может быть индивидуальной, как на этом настаивает экзистенциализм XX в. Она всегда универсальна и безусловна, она всеединая для всех и поэтому никогда не зависит от отдельной воли человека. «Прежде всего требуется от личности, чтобы она отреклась от своего произвольного мнения, от

своей самодельной правды во имя общей всенародной веры и правды. Личность должна преклониться перед народной верой, но не потому, что она народная, а потому, что она истинная» [11. С.41]. В этом принципе заложена основа всеобщего единства человеческого рода. Единение людей приводит к тому, что они не могут не делиться с друг другом самым необходимым по-братски, без принуждения, без какой бы то ни было политико-правовой обусловленности. В таком поведении отношения людей проявляются не на основе какой-либо выгоды, а на фундаментальном, естественном стремлении реализовать в действии любовь как глубокую связь между людьми за гранью их этнической, политической, социальной, экономической принадлежности. Внутренняя сопричастность друг другу возникнет лишь в условиях обоюдности, поэтому полное братство возможно только в условиях, когда все думают и ведут себя по-братски. Солидарность в буржуазном обществе обусловлена «спасением животишек» и потому продиктована не духовными скрепами, а сугубо гражданско-правовыми основами общежития [14. С. 167].

Научный взгляд на социальную организацию, по мнению Достоевского, убеждает нас, что поддержание целостности общества, его прогресс осуществляются в условиях борьбы за выживание, лежащей в основе социального порядка. Он логично завершается научно обоснованным убийством одной части людей ради выживания других [10. С. 59]. Таким образом, он намекает на известные ему идеи Маркса. Последний откровенно утверждал, что буржуазия в целом не способна быть равной народу, поэтому необходимо применение насилия, чтобы исключить из будущего братства (под которым они подразумевают только коммунистическую солидарность) сотни миллионов людей путем их истребления. Марксисты стремятся водворить социальную справедливость путем классовой борьбы, критикуя своих идеологических собратьев, английских социалистов-оуэнистов, за проповедь всеобщей любви и братства [15. С. 51]. Католическая и протестантская церкви в своем понимании человеческой солидарности далеки от социализма и более адекватно понимают не только материальные, но и духовные потребности людей. Однако и они обходят вопрос, что же является главным фактором объединения людей, т.е. вопрос о сущностном стремлении людей к свободе и духовности. Кроме указанных направлений, существует еще одно направление мысли, стремящееся к особому рода интеграции людей. Речь идет о национализме, который в принципе отказывается от признания за общечеловеческим единением какой-либо актуальности, поскольку сам стремится к возможной дезинтеграции народов ради сиюминутной выгоды. «Соперничество лишает их беспристрастия... Они перестают понимать друг друга... Они все упорнее и упорнее отдаляются друг от друга своими правилами нравственности, взглядом на весь Божий мир. Каждый отдельно у себя хочет совершить то, что могут совершить только все народы все вместе общими соединенными силами... Неужели цивилизация так бесстрашна, что не могла одолеть до сих пор эти ненависти? Идея общечеловечности все более и более стирается между ними... Христианская связь, до сих пор их соединяющая, с каждым днем теряет свою силу. Даже наука не в силах соединить все более и более расходящихся» [16. С. 54].

Бесперспективность национализма вызвать в сознании человечества порыв братского энтузиазма удручает Достоевского, однако он все-таки обнаруживает в одной нации возможность показать другим необходимый пример. Его взор

обращен к русскому народу как народу европейскому, но имеющему особенные черты. Русские, по его мнению, не похожи на европейцев, которые в большей степени замкнуты. Это русская открытость и европейская замкнутость мешает им понять друг друга. Стремление русского характера к человеческому единству для европейца непонятная безличность [Там же]. Хорошим примером служит отношение Германа Гессе к философии Достоевского, считавшего, что вся она «представляет собой отказ от всякой твердо установленной этики и морали в пользу всепонимания и нравственной вседозволенности» [9. С. 385]. Между тем сам Достоевский четко осознавал задачи русской культуры в освоении европейских традиций, идеалов и устремлений. Это совершенно не означает, что поставленная задача сводится к простому копированию, механическому воспроизведению и тотальному принятию русскими европейской мирозерцательной модели. Главной целью является такое единение с европейскими идеями, чтобы возвысить их до уровня общечеловечности и таким образом раскрыть в них заложенный общекультурный, цивилизаторский потенциал. Достоевский пророчески предвещал европейским народам долгий и ужасный путь избавления от своего узкого национализма, который Европа действительно проходила на протяжении всего XX в. и вместе с Россией очевидно проходит его и по сей день. По словам В. Соловьева, «...наступление этой всемирной гармонии... произойдет вовсе не путем мирного процесса, а в муках и болезнях нового рождения, как это описывается в Апокалипсисе – любимой книге Достоевского в его последние годы» [17. С. 58].

По мнению Достоевского, суть русской национальной идеи заключается в стремлении к общечеловеческому братству. На пути осмысления этой интуиции писатель неизбежно должен был столкнуться с дилеммой личного выбора между любовью к своему народу и всему человечеству, однако он обходил этот вопрос стороной, ведь, по его мнению, народ сам исторически сделал выбор в пользу глобального. Возглавляя народы в их стремлении к общечеловеческому, русский народ становится знаменосцем, неся, таким образом, особую ответственность, обусловленную христианским служением всем. Другими словами, он признаёт, что миссия России заключается в глубинном самоотречении себя ради других народов, и прежде всего ради Европы. Основой такого пути он «воспринимает Православную церковь как «всенародное единство», где нет места для разделения Церкви и культуры, подобно западному секуляризму. Само государство, по мысли писателя, должно раствориться в Великом братстве Христа» [18. С. 52]. Мог ли Достоевский не знать, что современное ему православие, зародившись на давно канувших в Лету стадиях культурного развития, не могло освободиться от свойственного ему архаического примитивизма, узости культурного сознания. Думается, он это видел и понимал, ожидая при этом, что внутри самого православия зародится движение преображения, могущее превратить его в источник нового планетарного сознания, способного подвести человечество к устранению противоречий, существующих между конфессиями и народами.

Стремление к единству всех людей, всех народов является, по идее писателя, одной из фундаментальных основ человеческой культуры, и только в России идея всемирности пестовалась Богом с особой целью, поэтому он был убеждён, что православие сделает первый шаг навстречу другим мировым и национальным конфессиям, что послужит основанием формирования

социальных основ взаимного всемирного служения всех всем. Преодоление человечеством своей эгоистической природы – это и есть главный смысл истории, в нем реализуется неизбывное стремление к избавлению от трагического разрыва между личностью и общностью.

Достижение этой внутренне обретаемой гармонии соответствует высшему идеалу высшей цели развития человека как части целого. Если когда-нибудь людское сообщество планеты достигнет этих внутренних рубежей, то это произойдет на основе универсальной психической связи и всеобщей любви, интегрирующих человечество на основе духовной, всеобщей сопричастности. Однако перед этим неизбежным является исторический период внешнего «уединения» и острой взаимной борьбы. Он есть неизбежное следствие греховной, ущербной природы человека, которая медленно преодолевается сначала на личностном уровне, а потом на всеобщем.

Трагедия мировой истории однажды должна обратиться и к своему положительному итогу. Неизбывное стремление человека к Богу приведет человечество через глубины невероятных страданий ко времени всеобщего прощения, всеобщей сторонней помощи, когда любой может рассчитывать на помощь, и всех охватит чувство всеобщего единства. Это глобальное родство готовится как телесно, путем движения от поколения к поколению, так и духовно, посредством влияния христианства.

Писатель полагал, что это всеобщее единение существует пока лишь в молитвенных устремлениях русского народа или отдельных прогрессивных мыслителей. Если все предрассудки будут разрешены, если человечество подойдет к мысли, что без сердечного, трепетного отношения к друг другу мир может погрузиться в бездонную пропасть одиночества, тогда время глубокой трансформации, заключающейся в любовном синтезе всех народов, приблизится. Соединяясь в едином в человеческом организме, каждый человек, каждая общность проявляет себя во всем многообразии своей индивидуальной природы. Словно цветок, человечество должно развернуться, раскрыться во всем многообразии заложенных в него способностей.

В современных геополитических и экономических, социокультурных условиях мы можем убедиться, насколько прав был Достоевский. В результате своего движения вперед навстречу глобализации человечество раздвигает горизонты, обнаруживая новые цели и задачи. Любая замкнутость в своем внутреннем национальном, этнокультурном пространстве сегодня – это добровольное заточение себя в карцер. Современные народы до сих пор получают урок, в результате которого они неизбежно убедятся, что иных альтернатив, кроме как единства всех и всего, просто нет.

Литература

1. Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Собр. соч. : в 20 т. Т. 14. М. : Худ. лит., 1965. 634 с.
2. Краминская Н.М. Пути устройства человека в философии Ф.М. Достоевского : дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2001. 174 с.
3. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели : от инстинктов к сотрудничеству. М. : Эксмо, 2014. 336 с.
4. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1949–1956. Т. XII. 635 с.

5. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 21 : Дневник писателя 1873; Статьи и заметки, 1873–1878. Л. : Наука, 1980. 551 с.
6. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 15 : Художественные произведения. Л. : Наука, 1976. 623 с.
7. *Достоевский Ф.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 5. Л. : Наука, 1973. 407 с.
8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 22 : Дневник писателя за 1876 год. Январь–апрель. Л. : Наука, 1981. 407 с.
9. *Лаут Р.* Философия Достоевского в систематическом изложении. М. : Республика, 1996. 447 с.
10. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 14 : Художественные произведения. Л. : Наука, 1976. 510 с.
11. *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 гг. / сост. В.М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 32–54.
12. *Достоевский Ф.М.* Письмо Н.Л. Озмидову, февраль 1878. Петербург // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 30, кн. 1: Письма, 1878–1881. Л. : Наука, 1988. 456 с.
13. *Ильин И.А.* Образ идиота у Достоевского // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Кн. 3. М. : Русская книга, 1997. Т. 6. 560 с.
14. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1880 г. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 26. 518 с.
15. *Маркс К.* Класовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 7. 456 с.
16. *Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 18: Статьи и заметки, 1845–1861. Л.: Наука, 1978. 370 с.
17. *Соловьев В.С.* Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / сост. В.М. Борисов, А.Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 55–58.
18. *Суровцев С.С.* Развитие и становление философских взглядов Ф.М. Достоевского // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11, № 1. С. 49–54.

Salimgareev Maxim V. Kazan State Technological University (Kazan, Russian Federation).

E-mail: msalimga.dis@gmail.com

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2017, № 25. 31–39 pp..

DOI: 10.17223/22220836/25/4

THE IDEA OF HUMAN SOLIDARITY IN PHILOSOPHY DOSTOEVSKY

Key words: *Dostoyevsky, nihilism, socialism, Christianity, solidarity, universal nationalism.*

The idea of human solidarity is one of FM Dostoevsky's main artistic and journalistic works. Since his youth Dostoevsky had been fascinated by the socialist utopianism and the world reconstruction ideas. He got into his generational spiritual stream of passionate desire, who dreamed about social abundance, peoples brotherhood and eternal prosperity. The aspiration for all peoples and nations unity, by the idea of the author, is the human culture fundamental basis. The author was convinced, that the Orthodox Church will make the first step towards the other world and national religions. This will serve the social basis formation and mutual service foundation all over the world. Overcoming the human egoistic nature is the main point of History. It realizes an inescapable desire to get rid of the tragic between the individual and the community. Achieving the internal harmony corresponds the highest ideal and an ultimate goal of human development as a part of the whole. If ever the world human community reaches these internal borders, it will happen on the basis of universal physic connection and universal love, based on integrating the universal spiritual communion. However before it happens, there inevitably will be external «privacy» and accute mutual struggle period. It is an inevitable consequence of sinful, flawed human nature that is slowly overcoming: firstly on a personal level, and then on the general. The world history tragedy once should refer to its positive outcome. An inescapable human desire will lead mankind to God through the depths of incredible sufferings to the universal forgiveness time, general exterior help time, when everyone can count on the support, and everyone will be covered by the universal unity feeling. This global relationship qualifies as physically by moving from generation to generation, so spiritually by the Christian Church influence. The author believed that this universal unity exists only in Russian peoples prayer aspirations or in certain pro-

gressive thinkers aspirations. If all prejudices will be settled, if humanity will come to believeness that without warm, reverent attitude to each other, the world could be plunged into an abyss of loneliness, and then the deep transformation time, that consists on the peoples loving synthesis will come closer. Connecting in a single human body each person, each community manifests itself in its individual nature diversity. Like a flower the humanity must blossom out, open in all the various inherent abilities. In the current geopolitical and economical conditions we can see how Dostoevsky was right. As a result of mankind movement towards globalization, it pulls out horizons, discovering new goals and objectives. Any internal space isolation today is a voluntary confinement in a punishment cell itself. The humanity still is getting a lesson that will inevitably make sure that the other options, besides everyone-and-everything unity, is impossible.

References

1. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1965) *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected works. In 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literature.
2. Kraminskaya, N.M. (2001) *Puti ustroeniya cheloveka v filosofii F.M. Dostoevskogo* [Ways of man's organization in FM. Dostoevsky's philosophy]. Philosophy Cand. Diss. Tula.
3. Ridley, M. (2014) *Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu* [The origin of virtue]. Translated from English by A. Chechina. Moscow: Eksmo.
4. Belinsky, V.G. (1949–1956) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: In 13 vols]. Vol. 12. Moscow: USSA AS.
5. Dostoevsky, F.M. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 21. Leningrad: Nauka.
6. Dostoevsky, F.M. (1976a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.
7. Dostoevsky, F.M. (1973) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
8. Dostoevsky, F.M. (1981a) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 22. Leningrad: Nauka.
9. Laut, R. (1996) *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoy izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy as a system]. Translated from German by I.S. Andreeva. Moscow: Respublika.
10. Dostoevsky, F.M. (1976b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 14. Leningrad: Nauka.
11. Soloviev, V.S. (1990) *Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo* [Three speeches in memory of Dostoevsky]. In: Borisov, V.M. & Roginskiy, A.B. (eds) *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli 1881–1931 gg.* [About Dostoevsky: Dostoevsky's creativity in Russian thought of 1881–1931]. Moscow: Kniga. pp. 32–54.
12. Dostoevsky, F.M. (1988) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 30. Leningrad: Nauka.
13. Ilin, I.A. (1997) *Sobranie sochineniy v 10 t.* [Collected works. In 10 vols]. Vol. 6. Moscow: Russkaya kniga.
14. Dostoevsky, F.M. (1981b) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 26. Leningrad: Nauka.
15. Marx, K. (1954) *Klassovaya bor'ba vo Frantsii s 1848 po 1850 g.* [Class struggle in France from 1848 to 1850]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 7. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry.
16. Dostoevsky, F.M. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols]. Vol. 18. Leningrad: Nauka.
17. Soloviev, V.S. (1990) *Zametka v zashchitu Dostoevskogo ot obvineniya v "novom" khristianstve* [In defense of Dostoevsky from the accusation of a "new" Christianity]. In: Borisov, V.M. & Roginskiy, A.B. (eds) *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy mysli 1881–1931 gg.* [About Dostoevsky: Dostoevsky's creativity in Russian thought of 1881–1931]. Moscow: Kniga. pp. 55–58.
18. Surovtsev, S.S. (2008) On development and formation of philosophical views of F.M. Dostoevsky. *Vestnik MGTU – Proceedings of MSTU*. 11(1). pp. 49–54.